

Апрель 1998 года

Глаза Гермионы остановились на словах, написанных на мягкой странице, пахнущей пылью, кожей, чем-то мускусным и чуть кисловатым, но в совокупности это был хороший запах, который заставлял ее чувствовать себя как дома. Старый пергамент - возможно, спрятанный в кабинете профессора Снейпа, в его личных покоях или дома - скорее всего, лежал неподалёку, пока мастер зелий варил пиво; пар от различных сквозняков проникал в воздух и на страницы дневников её отца, придавая им запах старины и жизни одновременно.

Она вспомнила, как Гарри рассказывал о дневнике Тома Риддла на втором курсе. Когда он подносил перо к странице и записывал вопрос, частичка души Волдеморта, находившаяся в дневнике - крестраж, как выяснилось позже, - писала ответ. Какой бы тёмной ни была магия дневника Тома Риддла, Гермиона часто испытывала искушение прикоснуться чернилами к дневникам своего отца в тщетной надежде, что он заговорит с ней через их страницы, из могилы.

Но могилы не было.

И тела.

Инфери Волдеморта так и не освободили его.

Она изнуряла себя исследованиями, пытаясь помочь Ордену. Сириус и Гарри постоянно ходили за ней по пятам, заставляя возвращаться в постель, чтобы отдохнуть, когда по ее покрасневшим глазам становилось ясно, что она достигла предела. Она не хотела говорить им, что, когда она спала, ей снились кошмары. В те несколько раз, когда она просыпалась в луже пота и слез и обнаруживала одного или обоих, склонившихся над ней и мягко пробуждавших ее от мучительного сна, она лгала и говорила, что это все Беллатрикс в ее мыслях. Они бы поняли. Они не стали задавать вопросов: ожидалось, что она будет бояться женщину, которая пыталась ее.

Она не сказала им, что ей снилась пещера, которую она никогда не видела, или остров посреди озера и медальон, который был давно уничтожен. Она не сказала им, что ей снилась неутолимая жажда и нежить, поднимающаяся из воды, чтобы утащить ее с собой.

С ним.

Она не сказала им, что мечтает утонуть. Умереть, как ее отец.

Она любила своих родителей-маглов - любила их до сих пор, - но что-то внутри неё всколыхнуло магию в тот момент, когда она проследила своё имя на гобелене семьи Блэк до Регулуса. Тоска, которая словно очерчивала пустоту внутри, высвечивала недостающую часть её самой, о которой она и не подозревала. Она хотела узнать этого человека. Она хотела узнать своего отца.

Гермиона вдыхала аромат страниц дневника, заставляя слезы не падать в знак скорби по человеку, которого она никогда не встречала. Она позволила запаху пергамента омыть её, успокоить и очистить, облегчить её заботы. Она позволила его словам успокоить ее любопытство.

17 марта 1976 года

Сначала я нашла Северуса. Я должен был догадаться, что он что-то задумал. Несмотря на все лекции, которые он читал младшекурсникам о том, что нужно не опускать руки до подходящего момента, наблюдать, готовиться и использовать ресурсы, как положено хорошему Слизерину... он вел себя как безрассудный гриффиндорец. Он жаловался на Люпина годами; слишком гордый, чтобы смириться с тем, что у кого-то есть секрет, о котором он не может знать всех подробностей, я полагаю. Раньше я думал, что у него проблемы с полукровками и магическими существами, возможно, он беспокоился за своих сокурсников. А в прошлый понедельник я наблюдал за тем, как он смотрел через Большой зал, пока Эванс делила свой пудинг с Люпином, который выглядел отвратительно больным и бледным, и видел, как внутри моего друга зарождается ревнивая ярость.

Идиот.

Позволить девушке - девушке, которая даже не отвечает ему взаимностью, - иметь над ним такую власть. Слабость. Она затуманила его мысли и сделала его безрассудным. Когда я нашел его бледным и дрожащим в общей комнате прошлой ночью, я мог только догадываться, что произошло. Полнолуние плюс разъяренный Слизерин с фетишем на магглорожденных и оборотень, который даже не задумался о том, чтобы разделить с девушкой кусок шоколадного торта. О, возмутительно. Он поймал меня на том, что я закатила на него глаза, и назвал меня "чистокровным мудаком", как будто это было оскорблением. Он может быть таким ребенком, когда у него разбито сердце.

Я встретился с Марлин за завтраком, не обращая внимания на шепот, доносящийся от моих соседей по дому. Они все думают, что я трахаюсь с ней, а это отвратительно, несмотря на то, что так принято у молодых чистокровных волшебников. Я наблюдал из тени, как Люциус ухаживает за Нарциссой, желая убедиться, что она в безопасности и счастлива, несмотря на то, что я больше не имею на нее никаких прав. И ни разу - ни разу! - Малфой не переступил черту в отношениях с другой ведьмой. Действительно, обычаи чистокровных. Может быть, для чистокровных из низших семей. Респектабельным семьям вроде Блэков и Малфоев незачем порочить свое имя и тело, переспав до брака со столькими ведьмами, сколько возможно. Ну... кроме Сириуса.

Я позволяю своим соседям верить в то, во что они хотят. Если они думают, что Марлин - просто тупая шлюха, которую я подкладываю, значит, она, по крайней мере, заявлена, и они оставят ее в покое. Если нет... боги, я даже думать не хочу, что может случиться. Достаточно того, что они все думают, будто я слишком легко отношусь к собственному брату, что я и делаю, но чтобы они поверили, что я влюблен в гриффиндорца-предателя крови? Мы оба были бы мертвы.

А я действительно люблю ее.

Боги... Я говорю как Северус.

По крайней мере, я нравлюсь Марлин.

Интересно, как долго это продлится.

"Неужели там написано куча дерьма обо мне?"

Гермиона вздрогнула от такого вторжения и захлопнула дневник, подняв глаза к двери своей спальни, чтобы увидеть Сириуса, стоящего там с ухмылкой на лице. Ей стало интересно, улыбается ли так же ее отец. Уставившись на дядю, она вдруг почувствовала огромную радость от того, что так и не влюбилась в него, как Джинни однажды летом. Конечно, она проводила ночи в размышлениях о некоем оборотне, который навсегда останется безымянным и похороненным глубоко в недрах её подсознания.

"Он очень любил тебя", - сказала Гермиона, указывая на дневник в своих руках, когда Сириус вошел в комнату и занял место на краю ее кровати. "Даже если ты был..."

"Эгоистичным высокомерным засранцем?" Сириус усмехнулся.

Она закатила глаза и мягко улыбнулась. "Что-то вроде этого".

Он взглянул на дневник и коротко коснулся обложки, после чего отдернул руку. "Как дела?" - спросил он, ласково заправляя ей за ухо выбившуюся прядь черных волос.

Она улыбнулась, чувствуя, что ее снова любит и ценит отец, и это было целительно. Однако его слова... Она не была готова. Не совсем. "Как продвигаются планы на битву?"

"Внезапная смена темы не сулит ничего хорошего", - сказал он, улыбнувшись, когда ее нос дернулся от неожиданности. "Планы идут хорошо. Насколько мы можем судить, Волдеморт все еще ищет Бузинную палочку и не знает, что четыре из семи крестражей уничтожены, а нам известны личности остальных трех".

Гермиона вздрогнула при виде цифр. "Профессор Снейп уверен в последнем?" - спросила она, заставляя свою нижнюю губу не дрожать.

Сириус кивнул, проведя рукой по волосам. "Я тоже не в восторге от этого, но в этом есть смысл". Он вздохнул: тяжесть войны и годы в Азкабанах состарили его в раздумьях, в тот момент, когда они оба молча признали то, что знали: Гарри - крестраж. "Я никогда не доверял этому парню, но... Воспоминания в Пенсиве трудно изменить так, чтобы изменения не были заметны. К тому же он добровольно принял Веритасерум, который сам не варил. Сначала он устроил скандал по этому поводу, но принял его".

Она кивнула, обдумывая его слова, пока ее мозг работал сверхурочно. "И вы уверены, что Гарри выживет?"

"Я? Я не знаю..." Он покачал головой, "но... Снейп, Муни и даже ты изучили все, что только можно было достать. Я не могу лгать и говорить, что не волнуюсь. Я чертовски напуган".

"Теперь вы доверяете профессору Снейпу?"

Он вздрогнул от этих слов, но чудом удержал язык за зубами. Она подумала, не связано ли это с ней, с этим странным перемирием, которое установилось между пожизненными соперниками.

"I . . . Я не знаю, Гермиона", - честно признался он.

"Думаю, тебе стоит", - сказала она. "Я думаю... Я думаю, у него тоже была тяжелая жизнь".

Сириус поднял бровь. "Слишком?"

Гермиона потрогала дневник своего отца. "Он, Регулус, - сказала она, нахмурившись, - очень подробно рассказывал о своем детстве. О твоём детстве".

Сириус бросил короткий взгляд на уязвимое место и инстинктивно поковырялся в маленьком шраме возле ключицы. Он, казалось, не замечал, что делает это, но глаза Гермионы метнулись к этому месту, и она подумала, не была ли это одна из многих костей, сломанных Вальбургой Блэк.

"Черт", - с горечью пробормотал Сириус. "Я... не скажу Гарри или... кому-нибудь еще, хорошо?"

"Я не думаю о тебе плохо из-за этого", - сказала она. "Ты был верен себе. Защищал Андромеду, своих друзей и... и своего брата".

Он молча кивнул, все еще чувствуя себя неловко. Он явно не привык чувствовать себя слабым или казаться таковым, тем более перед ведьмой, которую он последние несколько недель уверял, что будет защищать и любить так, словно она его родная дочь.

"Не надо", - сказал Сириус, прервав ее, его тон был холодным и твердым. "Регулус не был жестоким. Он был высокомерным маленьким дерьмом, когда хотел; умным и не боящимся показать это тебе в лицо. Он был Слизерином, поэтому временами был хитрым и эгоистичным. И боги, как же мы ссорились, особенно в последние годы. Но ты... ." Он сделал паузу и вздохнул, чтобы успокоиться. "Гермиона, в прошлом я сделал много выводов о своем брате, и мне пришлось столкнуться с правдой, которую мне всучили обратно в мое невежественное лицо. Он никогда бы не причинил тебе вреда".

"Он был Пожирателем смерти".

"Да". Сириус кивнул, в его глазах застыла боль. "Да, он был".

"Ты уверен в этом?"

"Я сам видел Темную метку", - признался он, но не стал уточнять. "Он действительно был одним из них".

Она нахмурилась, а потом попыталась рассуждать: "Профессор Снейп тоже, но сейчас он хороший. Регулус в конце концов тоже стал хорошим, не так ли?"

Сириус кивнул, но потом пробормотал: "Много хорошего это ему принесло".

Она с горечью согласилась с ним.

"Теперь... теперь у меня нет отца. Он даже не знал меня". Ей стало тесно в груди, когда она произнесла эти слова, но она постаралась контролировать свое дыхание. Меньше всего ей хотелось, чтобы Сириус подумал, что она еще более хрупкая, чем он уже считал. "Он умер за несколько месяцев до моего рождения, если верить гобелену".

Сириус обхватил ее руками и прижал к себе, поглаживая по спине и целуя в макушку.

"У тебя есть я", - пообещал он, отстраняясь, чтобы заглянуть в ее серые, как и его собственные, глаза. "Официально я твой Патриарх, Патерфамилиас твоего Дома, и без Рега это означает, что ты... ..ты принадлежишь мне в его отсутствие". Прежде чем она успела возразить, он пояснил: "Это значит, что я буду заботиться о вас. О тебе и Гарри. Когда эта дерьмовая война закончится и Волдеморт будет мертв, мы станем семьей. Настоящей семьей".

Он мило улыбнулся ей, и она не могла не ответить ему тем же.

Настоящая семья сейчас звучит просто замечательно.

<http://erolate.com/book/4074/112369>